

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

Л.М. Баткин

СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

1

В начале пятого акта "Гамлета" шуты рассуждают, заслуживает ли Офелия, для которой они роют могилу, христианского погребения. Дело решается, разумеется, в зависимости от того, утопилась ли она или просто утонула. Может быть, если смотреть на вещи слишком пристально, вот, собственно, и все различие между свободным целеполаганием и исторической необходимостью?

Первый могильщик излагает суть проблемы с изрядным проникновением в стилистику ученого дискурса. "Скажем, я теперь утоплюсь с намереньем. Тогда это дело тройкое. Одно - я его сделал, другое — привел в исполнение, третье — совершил (it is act, to do, to perform). С намереньем она, значит, и утопилась". Шекспир пародирует юридическую формулу, согласно которой поступок складывается из умысла (или "воображения"), решения и, наконец, приведения оногo в исполнение.

"Нет, без смеху. Вот тебе, скажем, вода. Хорошо. Вот, скажем, человек. Хорошо. Вот, скажем, идет человек к воде и топится. Хочешь, не хочешь, а он идет, вот в чем суть. Другой разговор - вода. Ежели найдет на него вода и потопит, он своему концу сторона. Стало быть, кто в своей смерти неповинен, тот своей жизни не губил".

Допустим, установлено, что вода нашла на безумную. Нужно ли доискиваться, могла ли она сама искать гибели? Что это изменило бы в развязке пьесы?

Прошу простить за мрачную аллегория. Однако всякому ответственному рассуждению о путях человечества не миновать признания детерминизма. В пределе необходимость логически чиста, т.е. абсолютна. Тут-то любой историк ее и отвергает. Вероятностный и альтернативный характер истории проще простого показать на событийном уровне. Но в какой степени тот или иной ход событий отражается на макросистеме? "Сослагательное наклонение" на этом уровне куда менее очевидно (особенно если не сводить его к вариантам, осуществившимся в других странах и временах). По мере возрастания масштаба рассмотрения, *вплоть до всемирной истории в целом*, рассуждения относительно "несостоявшейся истории", ее виртуальности, "контрфактического развития событий" и пр. оказываются все более беспредметными и фантастическими.

Зато, чем конкретней поле исследовательского обзора, тем явственней всплывают ограничения и парадоксы, позволяющие сформулировать идею открытости исторического процесса. Доведенная до противоположного логического предела, т.е. до абсолютного господства случая, истории как бессмысленного хаоса, эта идея в свою очередь

должна быть отвергнута. Ибо легко устанавливаются параллели и сходства, протягиваются причинные связи, история движется как смена логически воспроизводимых систем, и сама эта смена может быть задним числом представлена более или менее рационально.

Истина, однако, не "посередине". Она ведь никогда там не лежит, это местечко удобное лишь для эклектики. Подобно тому, как в христианской догматике Провидение и человеческая свобода воли непостижимым образом предполагают друг друга, порознь же то и другое ересь (отрицая либо теодицею, либо всемогущество Господа) - сходно обстоит дело и в современном метаисторическом сознании.

Некоторые историки считают, что тот или иной (вполне возможный!) поворот событий все равно ничего не изменил бы в сомкнувшемся над головой Офелии *конечном* результате. Вода есть вода. И, как добавил веселый могильщик, похоронили бы девушку по-христиански в любом случае, ибо она знатного рода.

Другие историки задумываются, что было бы, если бы Призрак не заговорил с принцем. Ну-с, пьеса вообще не состоялась бы. Или если бы Гамлет не раскусил подвоха, доплыл до Англии и был бы там казнен. Примерно тот же эффект. А если бы Полоний не вздумал подслушивать из-за портьеры или, по крайней мере, стоял бы там не шевелясь; если Офелия, следовательно, не обезумела бы и не погибла, а ушла в монастырь; если соответственно Клавдий не мог бы склонить Лаэрта к обманному поединку; наконец, если бы королева не осушила кубок, а отравленный клинок Лаэрта не оказался в руке Гамлета. Совсем другая пьеса. Ах, фабула не могла быть иной? Конечно, коли у нее есть барочный автор, который сплел ее, как ему заблагорассудилось, из самых причудливых допущений и случайностей.

2

Но фабула истории, как известно, не менее затейлива, и случай в ней - за отсутствием Автора с его промыслом и волей - правит куда самодержавней. Участники дискуссии привели множество всяких "если бы..." убедительность которых слишком очевидна. И согласились, что поэтому множить число подобных примеров незачем.

Ну да, если бы у Ленина не было раннего атеросклероза, история России в XX в. оказалась бы другой. Чтобы утверждать это, незачем быть апологетом Владимира Ильича, достаточно знания некоторых текстов и здравого смысла. Мы не ведаем, конечно, *что было бы* со страной при этом более благоприятном политико-медицинском случае. Но зато мы можем с высокой или полной степенью уверенности сказать, *чего в ней не было бы*. Не было бы сталинизма. Не было бы насильственной коллективизации, не было бы Большого Тррора, и т.д. Кстати, неизвестно, как протекала бы война с Гитлером (ежели бы она все равно разразилась, что не очевидно). Утопический эксперимент

большевиков развернулся бы под другим углом к истории и... все равно провалился бы, но совершенно по-другому.

Есть ли теоретический смысл в подобных незатейливых выкладках и каков он? Нелегкий вопрос.

На него обычно отвечают так. Различать несбывшееся в том, что сбылось, важно для более полного и глубокого познания того, каким именно образом и почему свершалась действительная история. История не обязательно должна была пойти так, как она пошла, существовали небеспочвенные альтернативы, хотя *изучать* "несостоявшуюся историю", разумеется, нельзя. "Сослагательное наклонение", подчеркивают дорожащие им исследователи, это полезный аналитический ход и вместе с тем неотступная головная боль историка. Это своего рода тестирование глубины предлагаемых объяснений. Дело в том, насколько мышление историка способно ухватить или же, напротив, обречено мистифицировать свой необыкновенный надприродно-природный предмет, будучи замороженным необратимостью прошлого и вытягивая его в одну причинную линию. Утверждают, что это сугубо эпистемологическая проблема.

Кроме того, распространен - характерный особенно для уходящего века - драматически-моралистический взгляд. Если покорно согласиться с диктатом исторической необходимости, что же тогда зависит от отдельного человека, тем более рядового? А ежели от него ничего не зависит и никто не в силах отвечать за историю, то гражданское качество поведения безразлично. Это напоминает общеизвестное рассуждение о том, что отрицать бытие Бога, исповедовать индивидуализм и пр. это якобы значит рушить основания нравственности. Тогда "все дозволено".

3

Я не решаюсь сходу высказываться *предметно* относительно исторического детерминизма и "сослагательного наклонения". Это, конечно, потребовало бы специальных и обстоятельных занятий. Попробую, однако, сформулировать некоторые предварительные соображения мировоззренческого и теоретического порядка, которые мне кажутся значимыми.

Во-первых, Познавательные трудности требуют рефлексии лишь в контексте тех или иных представлений об онтологической реальности. Эпистемология же, которая в случае "исчезновения" объекта, замыкается на себя (вот уж чего не скажешь ни о Канте, ни о неокантианцах!), тем самым откровенно выпрыгивает из лодки. Зрелище эффектное и даже до известной степени поучительное, но мы рискуем не получить при этом вообще никакого ответа на поставленные жизненно важные вопросы. Столетний крен историографии на эпистемологический борт, при всей его неслучайности и полезности, пора, как мне кажется,

энергично выравнивать. Попробуем-ка поэтому оставить пока в стороне проблемы историка и ограничиться исключительно проблемами истории.

Итак, как подступиться к специфическому характеру и внутренней мере объективной исторической необходимости?

Понятно, что наши идеи на сей счет неизбежно проблематичны. Следовательно, уход от эпистемологии есть лишь временный прием (и тоже, собственно, эпистемологически значимый). А все-таки прием вид Гурона, или Простодушного, и поведем речь - хотя бы поначалу - *только об онтологии*. Вне парадигматики обсуждение "если бы..." как синтагматической фигуры не имеет смысла, кроме риторического. Если отрицать объективную логику исторического процесса, суждения об истории сводятся к условностям и фикциям языка исторического описания, для которого "действительное", "вероятное", "возможное" и "невозможное" суть внеиерархические и легко взаимозаменяемые знаки. Разница примерно такая же, как между проблемами, которые стоят перед Наполеоном и перед человеком, воображающим себя Наполеоном.

Во-вторых. Ясно, что изучение альтернатив, укорененных в исторической ситуации, потребно уже для того, чтобы понять ее во всей сложности. Дабы то, во что она в дальнейшем итоге выльется, предстало как параллелограмм сталкивающихся сил и тенденций, притом итог явился бы победившим, а не заведомо и абсолютно предрешенным. С этим, насколько я понимаю, более или менее согласны все, кроме сторонников "лингвистического поворота", для которых сие незначимо. Однако этого вряд ли достаточно для построения онтологической модели. Имеет ли "сослагательное наклонение" в истории не только вспомогательное и прикладное значение (ради лучшего объяснения "изъявительного наклонения" как все же исчерпывающего на деле предмет исторической мысли), но также *самодовлеющий теоретический смысл!* В случае утвердительного ответа речь должна, по-видимому, пойти о соотношении необходимости, случая и открытости как *взаимобусловленных и исторически переменных характеристик истории*.

В третьих. Соображения социально-педагогического и экзистенциального порядка не имеют какого-либо значения. Действия и судьба отдельного человека либо группы людей могли бы направить исторический процесс по непредусмотренному руслу? - что ж, это одно дело. Если же, по крайней мере, на глубинном структурном уровне в результате будет лишь то, чего все равно не миновать, - что ж, тогда дело иное. Но для *историка* - если он работает в горизонте науки - неважно, что из этого нам больше понравилось бы. Находимся ли мы в тюрьме необходимости или это не так, или не совсем так. Человеческая история движется так, как она движется.

Критика знаменитой сентенции Ранке - "как это было на самом деле" - часто превращается в пошлость. Эта критика справедлива, пока

направлена против позитивистской эпистемологической безмятежности. Однако историческую науку, при всем гуманитарном своеобразии и апорийности ее предмета, впрямь может интересовать только то, что было на самом деле (включая сюда роль случая и то, что реально могло бы произойти, но не произошло). Историк не беллетрист и не белый клоун именно потому, что домогается истины. Он не смеет сказать: "Да неважно, как это было, вот я сейчас придумаю нечто занятное". Он способен разве что объявить себя агностиком: "Что-то такое было на деле, но вот беда, как подойти к этому адекватно и доказательно?" Презумпция добывания достоверного и убедительного знания полностью верна также и для герменевтики. Иное дело, что это задача субъектная, парадоксальная, не решаемая раз и навсегда, и т.п.

Давайте же, размышляя об историческом детерминизме и "сослагательном наклонении", говорить о том, есть ли они или их нет *на самом деле*. Бессмысленно обсуждать, хорошо ли, что они есть или что их нет, удачно ли устроен исторический процесс. Так же, как бессмысленно обсуждать, хорошо ли, что разумные существа смертны или что при наличии массы действует сила гравитации. Уж тут выбирать не приходится.

Если социальный детерминизм это тюрьма, то каждый из нас отбывает срок одновременно в двух пенитенциарных учреждениях - в истории и в природе. Зависимость от своего тела, от его страстей и страданий, от возраста, от умирания, наконец, — в таком случае едва ли не более тяжелое наказание. Ведь историческая необходимость ощутима не всегда, не повседневно, а для многих вовсе незаметна, как неощутимо, что мы летим в космическом пространстве и вращаемся вместе с Землей. Биологическая же необходимость напоминает о себе почти непрерывно. Человеку ничего не остается, как считаться с природой и историей и быть вменяемым заключенным. Не обязательно послушным, но стоически разумным. А уж как это совместить, дело каждого и, во всяком случае, на рациональное понимание истории, как и биологии, влиять не может. Разве что наоборот.

К нравственности проблема исторического детерминизма никакого отношения не имеет. Если человек рассчитывает, ведя себя независимо и рискуя многим, вплоть до свободы и жизни, что он поможет переломить ход истории, "обмануть время", остановив его или ускорив, то это решение не столько нравственное, сколько практическое (скажем, историко-политическое). Или, дабы не преуменьшать трудностей личного выбора, то и другое вместе.

Однако вообще-то свобода выбора потому свободна, что правильность его доказать нельзя, да и незачем. Мотивация замыкается на Я. Основания, разумеется, могут и должны быть предъявлены, хотя бы себе самому, но другой человек их оспорит и предпочтет совсем другие основания, убедительные именно для него. Человек делает экзистенциальный выбор потому, что он его делает". В "тюрьме" ли, не в "тюрь-

ме", но он совершает поступок. "Хочешь, не хочешь, а он идет, вот в чем суть". Он отвечает за свой выбор перед собою же. Возможно, он ничего не тщится изменить, кроме собственной единственной судьбы.

4

Тридцать лет тому назад я не принимал участия в разработке группой московских историков идеи исторической альтернативы. Однако вот кое-что на сей счет, написанное независимо и, насколько помнится, несколько ранее того. Принявшись за настоящие заметки, я разыскал следующий пассаж в статье, забытой даже автором (поэтому да простится мне самоцитирование).

"Мы, историки, иногда странно пишем историю. Мы умны задним числом. Мы видим осуществленные возможности и склонны забывать о возможностях несбывшихся. Мы слишком стараемся быть строгими детерминистами и потому оказываемся плохими детерминистами. Мы пренебрегаем "субъективными" факторами, мы недооцениваем роль случая, мы легко расправляемся с тем, что "отброшено историей". Хотя история "отбрасывает" в муках. Неудачный мятеж нужно все-таки подавить. Иначе он станет удачным. Живая социальная реальность с ее игрой разнородных сил и обстоятельств, с ее непрерывными альтернативами, неясными колебаниями чаши весов, драматическими развилками - все, что так чутко ощущается нами в отношении настоящего и ближайшего будущего, нами как *современниками*, - вдруг выпрямляется нами как историками. Беда в том, что нам известны *результаты*. Когда знаешь результаты, картина кажется более простой. Заранее понятно, кто победит, а кто строит воздушные замки. Но самые фантастические планы выростали из реальности и воспринимались участниками событий как реальные. Они и были реальными. Фантастическими они становились, потому что терпели провал. Вроде "ста дней" Бонапарта. Короче говоря: естественно спрашивать себя, почему Италия не была объединена до XIX в. Но не исторично ставить вопрос так: почему Италия не могла быть объединена до XIX в."¹

5

Вот что, однако, я считал бы нужным добавить к рассуждению этого молодого марксиста теперь.

В плане *истории событий* граница между неизбежным и всего лишь наиболее возможным, между жестко обусловленным и открытым, между навязанными обстоятельствами, сложившимися ранее, и стремлением Действующих лиц их изменить, - граница эта всегда непрозрачна, под знаком вопроса. Но в принципе она проницаема и подвижна. Исторические развилки очевидны. Поэтому оправданы усилия *политиков большого стиля*, совмещающих тщательный учет наличного состояния общества с тем, что можно было бы назвать идеализмом действия².

Однако как история событий сопряжена с историей структур?

Проблема детерминизма и "сослагательного наклонения", конечно, сводится к этому вопросу.

Каким образом капризная и непредсказуемая Фортуна оказывается способной договариваться с непреклонным Фатумом? Если конкретный ход событий в значительной, а иногда и в решающей степени зависит от игры случая, включая сюда волю и удачу отдельного человека, то в какой мере тот или иной итог политической борьбы, исход сражения, творчество гения и т.п. могут отпечататься в *развитии социальной целостности* и придать будущему, например, страны и народа существенно иной характер. В непрерывном накапливании и сцеплении всех таких итогов, всех таких исходов не скрывается ли кумулятивный механизм превращения Фортуны в Фатум?

Непрерывно припоминают в связи с этим "бабочку Брэдбери". У этой выразительной идеи есть, однако, логический дефект. Вторжение случая, меняющее в прошлом деталь за деталью, происходит постоянно и без прищельца из будущего. Ведь такова природа всякого настоящего. Все произошло так, как произошло, но притом одновременно бабочка то ли вдруг села, то ли раздумала садиться на тропу. То, что данная "бабочка" раздавлена или нет, случается при всяком превращении настоящего в прошлое. Так как это касается миллиардов "бабочек", любые вмешательства в прошлое, из коих оно, собственно, и складывается, перекрывают и обесценивают друг друга.

Следовательно, либо отдельные случаи ничего не стоят, ибо их сложение приводит к хаосу и прошлое *в целом* случайно. Бабочкой больше, бабочкой меньше... Либо значима, по крайней мере, статистика. Но, во-первых, "бабочка" "бабочке" рознь, вероятностные закономерности применимы ли (и как) к идеографическим и субъектным явлениям. Во-вторых, статистика есть ли выражение предопределяющей ее закономерности или же, напротив, сама на нее влияет, играя тем самым роль макрослучайности? Увы, раздавив бабочку, мы остаемся в том же неопределенном и загадочном диапазоне между случайностью и детерминизмом.

Примеры "если бы..." всегда совершенно конкретны, потому-то их убедительность лишена теоретической содержательности. В той или иной точке бифуркации та или иная история могла бы повернуться по-другому, тогда последующая цепочка взаимодействий, причин, вероятностей оказалась бы тоже существенно другой. Очень хорошо. Но до какой степени, тут же звучит вопрос, в пределах какого "коридора возможностей"?

Решимся в таком случае задаться вопросом об истории в метафизической плоскости, подойдя к проблеме с противоположного конца. А именно: альтернативна ли история человечества В ЦЕЛОМ? Т.е. могла ли она сложиться иначе *в качестве всемирной истории*? Вопросание подразумевает наблюдателя, вынесенного за пределы истории землян,

некий взгляд из космоса. По первому впечатлению, это, покажется, пожалуй, праздным умствованием, не имеющим отношения к исторической науке. Однако, если "сослагательное наклонение" уместно применительно к ограниченным историческим интервалам и ситуациям, хотя бы и только в точках бифуркаций, то нам придется согласиться с тем, что, будучи выражено в общем виде, такое представление исходит из трактовки именно Истории в целом. За наглядными индуктивными умозаключениями скрывается некая дедуктивная посылка. Всемирная история людей это уникальный, но естественный феномен Вселенной. Кривая прошлого, по-видимому, откладывается по отношению к оси необходимого и оси вероятного. И мировая история есть точка схождения этих разнонаправленных координат.

Начав с максимально масштабного предположения, априорного, но задающего логику его развертки и проверки на пригодность (уже в качестве научной гипотезы), можно бы двинуться к более профессиональному раздумью. Его условием является соединение космического холизма с историзмом, а именно со следующим постулатом, на мой взгляд, важнейшим для проблемы "виртуальности" естественно-исторического процесса. *Всемирная история человечества в качестве объекта тотального рассмотрения сама имеет историю.*

Это означает, что, будучи развивающейся и отчасти стихийно самонастраивающейся системой, история в разных стадияльных и региональных ситуациях, на разных масштабных уровнях и в разных социально-культурных срезах не однородна и не равна себе. Это История историй. Говорить о ней в целом и на всем ее протяжении одно и то же - некорректно. (И, в частности, неверно усматривать в любых эпохах одну и ту же "сослагательность" - по сути, формам, интенсивности). Ведь это, если можно так выразиться, игра, правила которой меняются на ходу³.

Что до природы, уровня и механизмов детерминации... что до возможности внезапных изменений, обусловленных, конечно, предшествующим развитием, но отнюдь не всегда заданных им одинаково жестко... что до удельного веса некоего События... и, наконец, что до *способов взаимопротекания истории событий в историю структур, и наоборот*, - на все это нет и не может быть единообразных ответов, подходящих для любого времени / пространства. Проблема "а если бы...", чтобы приблизиться к тотальной теории и ввиду того, что История есть цепь радикальных *метаморфоз (смещений и разрывов непрерывности как сквозного условия оной)*, должна быть в качестве всемирной обсуждена в пределах каждого данного исторического хронотопа.

6

Выскажу несколько предположений и догадок, относительное подтверждение, коррекция или опровержение которых могли бы составить исследовательский проект, объем которого непосилен для одного историка (если он не прозывается Арнольдом Тойнби).

История первобытности — вплоть до Первого осевого времени — есть история микрообщин, целиком лежащая в зоне перекодирования природной (биологической и географической) необходимости в историю людей. Исходно процесс развития *homo sapiens* не знает "сослагательного наклонения". Детерминизм старше открытости истории. Но вместе с тем и тем самым это лишь протоисторический процесс. Несмотря на незначительный диапазон миграций и влияний, особенно до неолитической революции, при полном отсутствии глобальной связности, все стадии и все инновации от раннего палеолита до бронзы в решающей степени сходны. Происходящие бесчисленные микрособытия лишены непосредственного исторического статуса. Изменения, накапливаясь в течение десятков тысяч лет, дают на выходе прорыв к первым цивилизациям и религиям, к первым государствам и первым, отчасти легендарным, персонажам, т.е. к первым событиям в полном историческом смысле слова.

Поскольку это произошло не одновременно со всеми жившими тогда людьми, история впервые становится неравномерной и вариативной. Правда, варианты возникновения древних цивилизаций жестко связаны с климатом, почвами, рельефом и ирригацией. Все же собственно история, едва и поскольку она уже возникла, предстает перед нами как макроказусная и *ярко-особенная*. Различия между Египтом, Месопотамией, Ближним Востоком, Центральной Азией, Индией, Китаем, доколумбовой Америкой и т.д. описаны, а инвариантные черты синхронных или сменяющих друг друга цивилизаций оценены как детерминанты (в терминах "архаики", "традиционализма", соседской общины, мифа и пр.). Однако то обстоятельство, что историческая необходимость всякий раз принимала вид неповторимой особенности, некой со-циокультурной констелляции, не поддается исчерпывающему рациональному объяснению. Такая неподатливость, впрочем, есть идеографическое качество человеческой истории как абсолютно нового космического объекта познания, требующее от исследователя, как известно после неокантианцев и Макса Вебера, необычной логики индивидуализирующих понятий и типовых идеализации. Именно ОСОБЕННОЕ (и, следовательно, реально воплощенная вероятность), начиная с Первого осевого времени, становится специфическим исторически-конкретным предметом изучения. Особенное — бог историков.

Традиционалистская детерминация (многофакторная, структурно весьма устойчивая, консервативная, в этом плане жесткая) могла существовать, однако, исключительно в рамках локальности. Поэтому то, что я называю Первой (т.е. традиционалистской) историей, или Историей цивилизаций, в большей мере, чем все, что следует за нею, отличалась поразительно гибкой и, так сказать, экзотической феноменологией. Возможность "другой истории" в традиционалистской зоне (сверхэпохе) подтверждается нарастающим разнообразием региональных историй. Их набор расширялся и расширялся. Открытость истори-

ческого процесса - до XIII-XVII вв. - в Западной Европе - давала о себе знать не столько во времени, сколько пространственно, *по горизонтали*. В том смысле, что сменявшиеся цивилизации могут быть тоже представлены как рядоположенные.

Традиционалистская история перенасыщена событиями, как никакая иная. Но эти утомительно-пестрые события всегда более или менее упираются в структурное дно. Изменения во времени происходят, но исчерпывают себя, ведут в динамический тупик и затем либо озаменованы нескончаемой вибрацией разложения, стоянием истории, либо разрешаются извне, т.е. тоже пространственно: через переселения народов и завоевания. И начинается новый цикл, новая более или менее случайная проба истории. Необходимость провоцирует альтернативность, и они разрешаются друг в друге.

Такие мгновенные и спонтанные выбросы исторической энергии, как походы Ксеркса, Александра Македонского, Цезаря и др., Атиллы, Мухаммеда и др., Чингизхана, Тамерлана и пр., экспериментально демонстрируют ограниченность конечных результатов самых великих исторических проб и альтернатив. В течение двух-трех тысячелетий чрезвычайное обилие случайных событий все же не выплескивалось за пределы одного и того же окоема и состояния Мировой Истории.

Это, несомненно, относится также и к традиционалистским цивилизациям Средиземноморья (позже Западной Европы). Те особенности, которые столь разительно отличали Античность и Средневековье от других регионов, будь то полисная культура, римское право, христианский персонализм, особенно же роль городских коммун и вольностей с XI в., когда обозначилось развитие, приведшее *в конце концов* к ранним мануфактурам, централизованным национальным монархиям и ко всему отныне безостановочному материальному изменению, которое замечательно реконструировал Фернан Бродель, - эти особенности лишь ретроспективно выглядят как подготовка к всемирно-исторической мутации. Сами же по себе они вписываются в череду принципиально одноуровневых докапиталистических цивилизаций.

Хотя предпосылки возникновения капитализма и Второй истории давно изучены, все же метафора "мутации" кажется удачной не только из-за удивительной мгновенности и глубины перехода к совершенно Другому способу устройства общества и небывалому характеру исторического движения, но и потому, что мутации непредсказуемы и не могут быть экстраполированы из прежнего состояния гена. Нелепо было бы думать, что происшедшее в XVI-XVII вв. и позднее было "запрограммировано" за тысячи или хотя бы за сотни лет в историческом ДНК того, что затем будет названо "европеизмом" или "Западом". Альтернативность прорывов в качественно иное будущее хорошо видна в разнообразии форм и глубины исторической вспашки в разных странах Европы, включая сюда постоянную "смену лидеров" в этой гонке, поражения, откаты, отсталые зоны, наконец, чудовищные реак-

ционные катаклизмы. Задним числом можно установить *закономерность* происходившего, переплетение причинно-следственных связей и игры случая, но не *необходимость* мутации.

Думаю, вот самая большая тайна всемирной истории. Потому что логика всей предшествующей и всей последующей эволюции несравненно более последовательна. Здесь же историческая необходимость каким-то образом рождает то, что из нее не выводимо. Новое время выходит из традиционалистского средневековья неожиданно и вне всяких готовых правил, как Афина из головы Зевса. Если - по историческому масштабу в одночасье - Великая Альтернатива могла однажды возникнуть в маленьком регионе, чтобы вскоре преобразить суть глобальной Истории, то уместно задаться вопросом: возможны ли подобные (не предрешенные и совершенно непредсказуемые) структурные и тотальные мутации также в будущем? И что же такое, следовательно, странная историческая необходимость, которая тайком знает с виртуальной историей?

Когда и поскольку ранний капитализм и все, что сопряжено с ним, возникли, детерминизм, однако же, усилился, притом на подоснове главенствующего (социально-экономического) фактора. Впервые необходимость заработала *по вертикали*, т.е. приводя ко все новым и каждый раз беспрецедентным кризисам и переналадкам исторического процесса. Необходимость вечного возвращения изменила знак и обратилась в необходимость вечного кризиса и ошеломляющей новизны. Увлеченные открывающейся панорамой умы в XVIII—XIX вв. назвали неузнаваемую *динамическую* необходимость "прогрессом". Совершенно точное понятие, если не приписывать ему черты гладкости, безостановочности, бесконфликтности, если признавать также за вдруг понесшейся куда-то "вперед" Истории трагизм и тайну.

А роль события и "вероятностного" измерения истории, пожалуй, соответственно сузилась. Точнее, они теперь сводились и сводятся к срокам, социальным формам, качеству и человеческой цене глобальной модернизации. Хотя на фоне глобального охвата и неотвратимости нового хода вещей, этнического перемешивания, всемирных правил экономики и политики, обострилась жажда своей личности, индивидуальной и национально-психологической; хотя появилась тенденция к восполнению и приросту локальных своеобразий, "самостей" - однако это не прежние изоляционистские и исконные патриархальные своеобразия, а "единство разнообразия". То есть даже самые завязанные автономисты от политики или от культуры и пр. объективно могут быть особенными лишь как игра рисунка и колорита на некоем своем участке общечеловеческой ткани.

Однако Вторая история заканчивается, и мы переживаем третье осевое время, вступаем в Третью историю. Что можно решить относительно нее под углом зрения обсуждаемой проблемы?

Во-первых. По мере перехода к *эмпирически-системной всемирности*, историческая необходимость будет становиться более явной и не-

сомненной, поскольку она не только растворена во множестве человеческих групп и обществ, но выступает напрямую как логика целостного и обозримого тотального объекта.

Иногда пишут о сложности человеческого общества, возрастающей по ходу истории и поэтому повышающей роль субъекта. "Сложности" в каком значении? Думаю, с точки зрения обилия локально-особенного, с трудом поддающегося анализу калейдоскопического переплетения разнохарактерных статических факторов, внезапных событийных встряхиваний этого калейдоскопа - наиболее сложна как раз Первая история. Традиционализм, в котором она резюмируется, крайне вязок и вместе с тем неоднороден, включая элементы, которые, будучи впоследствии востребованными в контексте Второй истории, окажутся более динамичными, чем в собственном контексте. (Это относится не только к средиземноморскому миру, но и, скажем, к Японии после ее "открытия" или к современным азиатским "драконам".)

Сложность Второй истории схематичней и однолинейней. Она обусловлена парадоксами усилившейся неравномерности истории, соналожением вестернизации и традиционалистских структур. Очевидно, глобализация истории, снижая феноменологическую сложность и число *разнокачественных* взаимодействий, еще более меняет само содержание понятия "сложность". Может быть, усложнение истории ведет к ее упрощению, т.е. к большей соразмерности разуму, а уже благодаря упрощению, к возрастанию роли субъектной воли. Что сложнее, устройство и поведение собаки или компьютера?

Во-вторых. Как олимпийские боги зависели от таинственного Рока, так онтологическая необходимость истории зависит от научно-технических (особенно информационных?) новаций, которые иногда предсказуемы, но чаще ошеломляют самих ученых.

О переворотах во всемирной истории мы теперь узнаем из газетных заметок. Несколько лет тому назад появился Интернет. 22 июля 1999 г. я прочел в "Известиях" (со ссылкой на "Сайенс" от 21-го) о стоящей на пороге великой компьютерной революции, которая превращая молекулы в чипы, увеличит быстродействие и миниатюризацию в сто миллиардов раз. Одно только изобретение молекулярной электроники станет событием, несопоставимо более крупным для всего хода Истории, чем Великая французская революция или создание парового двигателя. Конечно, с одной стороны, события такого рода есть плод ныне действующей революционной научно-технической необходимости. Но, с другой - необходимость предметно осуществляется в абсолютной новости, конденсируется в событие, которое меняет облик мира. И которое занимает место необходимости. То есть необходимость есть и ее нет, а есть конкретное победоносное усилие технического разума. Детерминизм истории, за который дают Нобелевские премии, что это такое, как не открытость истории?

Но речь не только о науке. Газеты сообщали о Шенгене, о замене национальных валют на евро, и т.п. Конечно, возникновение у нас на глазах Соединенных Штатов Европы есть превращение исторической необходимости в возможность. Или... наоборот? Европа объединяется, в Европе никогда больше не будет войн, и т.д. - но ведь это переход сугубо виртуального в действительное в результате коллективного человеческого решения!

Конечно, мир еще безжалостен и неблагоприятен, как ребенок. Глупо - по меньшей мере рано - впадать вслед за Фукуямой в эйфорию. Подождем двести-триста лет и затем продолжим эту дискуссию. Но, если исключить некую реакционную мутацию и катаклизмы, которые отбросили бы землю назад, если представить себе Четвертую историю (объединенное человечество со всемирным правительством, без войн, без прежней политики, в определенном смысле без экономики - ну-с, человечество из фантастических романов?), останется ли и в этом случае историческая необходимость? Да.

А "сослагательное наклонение"? О, да. **Они совпадут.**

Ибо земляне будут принимать решения об изменении своей истории. Например, о частичной приостановке научно-технического прогресса. О геной инженерии. О космической миграции. Свобода воли человечества будет иметь дело с объективной необходимостью, условиями и преградами - но при помощи экспертов и с учетом преобладающих устремлений.

Пора остановиться. Ведь читатель уже давно улыбается. Между тем я фантазирую лишь потому, что реальный вектор современной мировой истории дает основания для экстраполяции в будущее. Простой пример. Курсы ведущих мировых валют есть показатель экономических процессов, в значительной мере остающихся стихийными, каковой была и поныне преимущественно остается сама История. Однако соотношение валютных курсов можно регулировать решениями правительств стран большой семерки. Возможно, циклические кризисы раннего капитализма, в последние годы смягчившиеся до осцилляции относительных улучшений и ухудшений конъюнктуры, в дальнейшем вообще прекратятся. Несомненно, возможности экономической саморегуляции при помощи таких мер, как изменение ставки кредитного процента и структуры налогов, усиливаются вместе с консолидацией конкуренции в мировом масштабе.

Частный и корыстный интерес уже теперь требует - ввиду мировой системности - всеобщего равновесия и благополучия. Эгоизм принуждает к альтруизму, который в свой черед становится рутинным. Оценили ли мы, что означает - с точки зрения исторического детерминизма, - когда всемирные финансовые инстанции оказывают поддержку Мексике, Бразилии или азиатским "драконам" ради устойчивости мирового рынка? Когда Север вырабатывает программы безвозмездного перераспределения хотя бы малой части своих богатств для помо-

щи Югу? Это фрагмент превращения Истории стихийной и дробной в Историю разумную и связную. Сама законность такой - не художественной, а историологической - экстраполяции уже есть симптом возникновения нового качества Истории.

Странности необходимости должны изменить свой характер по мере глобальной рационализации человеческого сообщества. Тогда необходимость раздвоится на природную и собственно историческую. Отчасти она проступит отчетливой и жестче; оголится ее внешний по отношению к истории космический природный облик. Отчасти же она интериоризируется и в качестве собственно исторической станет свободной. Сомкнется с тяжестью ответственного личного и коллективного решения относительно альтернативных путей.

Ситуация перевернется.

Свобода окончательно отождествится с *исторической* необходимостью. То есть с неизбежностью сознательного выбора среди различных вариантов продолжения истории. Проблема "сослагательного наклонения" (открытости истории) переместится из маргинального плана историографических исследований в центр текущей истории, из прошлого в сферу прагматического планирования будущего. Возможно, только тогда ретроспективно прояснится истинное значение вопроса "а если бы..." для судеб человечества.

...Тут историку остается смущенно смолкнуть и безразлично заняться просмотром свежих газет в роли петуха из басни Крылова.

¹ Баткин Л.М. Спор о Данте о социология культуры // Средние века. М., 1971. Вып. 34. С. 279.

² Баткин Л.М. Пристрастия: Избранные эссе и статьи о культуре. М., 1994. С. 279-283.

³ Баткин Л.М. Заметки о современном историческом разуме // Казус-3. М., 2000. С. 62-96.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕ- СКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНА- ТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВ- НОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
<i>DISCUSSION</i>	58
<i>L.M. Batkm</i>	
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
<i>P.Yu. Uvarov</i>	
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

<i>Vyach. Vs. Ivanov</i>	
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
<i>Martin Dinges</i>	
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
<i>A.Ya. Gurevich</i>	
SUMMING UP	125
<i>V.I. Strelkov</i>	
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

<i>Neithard Bulst</i>	
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
<i>P.V. Krylov</i>	
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
<i>A.L. Yurganov</i>	
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

<i>O.A. Savelyeva</i>	
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Romm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333